

Чтобы разглядеть, не обязательно видеть

ИСТИНА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Мамка, а коли помрешь, что быват? Поди, совсем нече не видать?

— Спи, дурак, младших разбузыкаешь.

По весне Севка и младший брат болели оспой. Брата похоронили. Севка кое-как оклемялся. Короста с лица сошла. Но начали болеть глаза. Деревенский фельдшер велел везти в город — воспаление.

Мать все дни пропадала на обмолоте. В недавно образованном колхозе доканчивали убирать овес. И она надеялась, хорошо поработав, выпросить у бригадира к концу уборочной лишней куль муки. Авось хворь сама пройдет.

Он открыл глаза и ничего не увидел. Словно окунулся носом в дымоход.

— Кажись, ослеп я, мамка...

Он сказал это тихо. И до того спокойно, что мать, испугавшись, выронила шитье.

Доктор в городской больнице, спрятав в стол принесенные матерью яйца, больно понажимал возле глаз и сказал вяло, будто констатируя ангину:

— Что ж вы, гражданочка, раньше надо было везти. Потухли зенки-то...

От Тербунов тряслись на телеге. Севка глядя по спине ревущую мать. Та виновла во всем себя. Была она питерской. Много раз, когда совсем становилось нечего есть, она порывалась поехать к своей Неве. Там же, в Ленинграде, чиновником в одной из контор работал Севкин отец. Но в последний момент как-то удавалось выкрутиться, и мать, довольная, чемодан разбирала. Отца Севка помнил плохо. Он всегда пропадавал на службе. А однажды пришел и сказал, что уходит. Они всемером остались. Через несколько месяцев, измучившись беготней по ломбардам, мать забрала всех детей и повезла на вокзал. Там села на первый попавшийся поезд и высадилась на станции, до которой хватало денег.

...А лишней муки мать у бригадира так и не выпросила. Поделели всем поровну. В зиму ушли с тем, что собрали в огороде. Младшие, когда собирались на улицу, надевали на ноги варежки. Четырнадцатилетний Севка становился обузой.

Дядя Егор пришел по просьбе матери в дом, похрюхтел у порога:

— Ну что, трубочист, собирайся...

Медяки бросали редко. При

каждом позвякивании Севка сжимался, будто опасаясь, что его саданут по спине палькой.

— Жулик, поди,— раздавался совсем рядом скрипучий голос.— Развели кругом, жульят-то этого.

С Севки чья-то рука грубо стащила черные очки.

— Вроде как всамделишный...

На обратном пути скрип колеса до дрожи напоминал звяканье монет. И он затыкал уши пальцами, чтоб не слышать.

На базар он больше не поехал.

В артели инвалидов у станции Валуйки Севку определили к старшему мастеру. От того пахло по утрам самогоном, и он страшно ругался, когда Севка не понимал, «каким макаром» надо скатывать для валенок шерсть. Все в артели делали что-то одно: либо катали товар, либо натягивали на колодки и выстирывали. Севка хотел научиться всему, чтоб катать валенки от начала до конца. Он попросился к слепому Алексе. Тот был блаженным. Мурлыкал изо дня в день себе под нос какие-то песенки и всегда улыбался. Но сапоги он катал справные. Задники у его валенок нравились Севке больше всех.

Алеша брал Севкины руки в свои ладони и ворочал ими, как рычагами.

— Слепой слепого за всякий раз уразумет. Мы с то-

бой, Севка, божьи дети. Нам нельзя окрысаться...

Война началась с тревожного голоса Левитана. Именно та тревожность и подействовала на Севку больше всего. За годы, что он перестал видеть, он научился определять людей — хорошие они или плохие, что на самом деле хотят — по голосам. У голосов были тысячи оттенков. И тысячи интонаций. Добрый человек, был уверен Севка, никогда не скажет так, как злой.

...Из всех деревенских мужиков с войны вернулся один. И тот без руки. В Солдатовке, стоявшей на развилке дорог, не осталось ни одной целой избы. Женщины начали ладить крыши. Но нужны были печи. Они долго размышляли с одноруким фронтовиком и договорились, что разберут одну хорошую печь по кирпичу. Севка запомнит и начнет по ней класть другие.

Парни из окрестных сел стали брать его на гулянки. Он расхаживал вместе с ними по улицам, наяривал на гармони и пел. Гармонь он осилил самоучкой — по звуку. И выдавал такие «страдания», что деревенские девчонки ежились.

Иногда он ловил себя на том, что забывает, что вокруг темно. Когда кругом толкались, выводили это в круг и заставляли плясать, он не замечал, что не равный со всеми. Казалось, еще чуть, и он увидит.

Люди расходились. Голоса становились все тише. Замолкали совсем. И оставались лишь в памяти. Он снова был один со своими мыслями. Он не знал, куда от них деться.

Всех, кто бы ни являлся к нему заказывать валенки, Севка просил, чтоб сыскали ему невесту. Женщинам, обещающим, что обязательно посмотрят кого-нибудь, он делал скидку в оплате.

Однажды один из друзей заверил, что нашел. И что вроде как согласна выйти за него замуж. Севка на радостях скатал для друга валенки. Узнав, что у будущей жены есть брат, сделал для него «полувалы» и послал в подарок.

Потом пошел к соседке, чтоб согласилась быть свахой. Та спровадила обратно:

— Иди, дурак, чтоб венком нам надавали?

Он выпросил у друга пинджак, надел кучерявую шапку и направился вместе с ним свататься.

Зашла в хату. Поздоровались. Мать лежала на печи. Слезать из-за гостей не стала. Голос у будущей избранницы Севке понравился. Громкий. Балакает смело. Оккупорили принесенную с собой поллитровку. Острограмились. Начали издавать. Не гечет ли крыша? Не хворает ли из-за нынешней осои корова? Мать сразу почувяла, в чем дело.

— Не огдам за тебя Нюр-

ку. Ты ж слепой! Тяпку и ту не насадишь.

Севку заело.

— Да чего ж не насажуто? Который и видит, да ниче не умет. А ты, поди, глянь, какую мы давеса баню срубили с мужиками. Я и топором могу, и пилой.

Подшел невестин брат. Взявшийся в деревне — за то, что держал на ручье мельницу, — «буржуем». Сестра на него работала.

— Уматывайте, мужики... Друг громко высморкался. Севка поднялся. И тут услышал зычное:

— А я согласная.

Жена оказалась старше Севки на восемь лет. Молодые завели себе сначала коз, потом корову. Севка сам спускался во двор, одевая корову сеюм, сам доил. В доме он знал все трещины. Единственное, что гробовалось от жены, ничего со своих мест не переставлять.

Его считали в деревне своим. К нему привыкли. Как привыкают, может быть, к дереву, которое непонятно какой породы, но растет настолько давно и стало таким обычным, что никому и в голову не приходит задуматься: как тут оказалось и почему не чахнет. Ну, растет себе и растет. Ему прощали, что он не ругался, как другие мужики, с «солью». Что от него не пахло табаком. Что кирзачи его были без вчерашней грязи. Солдатовка уходила от его избы в сторону. А он жил все на одном месте — с краю, в старом аулке. Со своим неторопливым — не местным говорком. Всегда спокойным. Ни на кого не обижались.

Он ремонтировал сапоги, стругал и сколачивал столы и табуретки, чинил стиральные машины, электроплитки, выдывал шкуры, шил зимние шапки, особо не задумываясь, сколько за них заплатят. Он хотел знать: этот мир им не брезгует.

Неужели, чтобы увидеть, как неправильно ты живешь, нужно ослепнуть?

Он захотел себе построить новый дом. Сам.

Больше года от старой железнодорожной ветки сволокивал к дому шпалы. Собирали бугорочные ящики, доски которых пойдут на обшивку стен. Потом начал строгать понемногу оконные рамы, половицы, двери.

Это была самая длинная стройка в Солдатовке. Были месяцы, когда высота стен поднималась не больше,

чем на десяток сантиметров. Но дом все равно полз вверх. Даже ночью. Одна мамаша ходила жаловаться в сельсовет, что он мешает своим стуком спать. Ему помогли. Но часто отструганные балки или бревна он забраковывал и перекладывал работу сам.

Когда дом был готов, он сам провел к нему свет. Долго допытывавшись у учителя физики, каким «путем» действует электричество. Вырыл возле дома колодец, зная, что им с женой все труднее станет носить воду. Смастерил самодельный насос, которым стало возможным закачивать воду в огород и в дом.

Насос приобрел сосед. Огород стал не нужен. Жена Севки заболела раком. Доктор, приехавший в их дом, подбодрил ее, что болит желудок. А потом, уходя, позвал его за собой и сказал в коридоре, что жить ей осталось не больше года.

Убедившись, что жена уснула, он стащил с полки свою гармонию. Огородами выбрался в поле. Это был инструмент, который он склеил и оснастил сам. Один раз к нему из города приезжал какой-то кустарь и привез с собой развалюху-трехрядку. Хотел убедить, что разговоры о слепом мастере — слухи. Но Севка привезенную им гармонию наладил. Металлические пластинки, которые можно различить, только имея хорошее зрение, он определял языком и губами...

Сперва он удостоверился, что один. Так бывало и раньше, он уходил от людей в лес или поле и там, никем не слышимый, подолгу страдал на своей гармошке. Он представлял, что как раньше, идет с ребятами по улице, что все еще впереди, вот-вот, и он увидит. Но так, как в этот день, он не играл никогда.

...Я отыскал Всеволода Ивановича Емельянова в Тербунской районной больнице. После смерти жены у него стала отниматься рука. Он сидел у тумбочки и несенно, страхилая крошки хлеба в раскрытую ладонь, ел перловую кашу.

Первое, о чем он меня спросил, не могу ли я достать для него несколько досочек клепа. Он постукал по лежащей рядом балалайке. Магазиная «деревяшка» никуда не годится.

А. КРЕСТНИКОВ.
Липецкая область.

Комсомольская правда
г. Москва
19 СЕН 1991